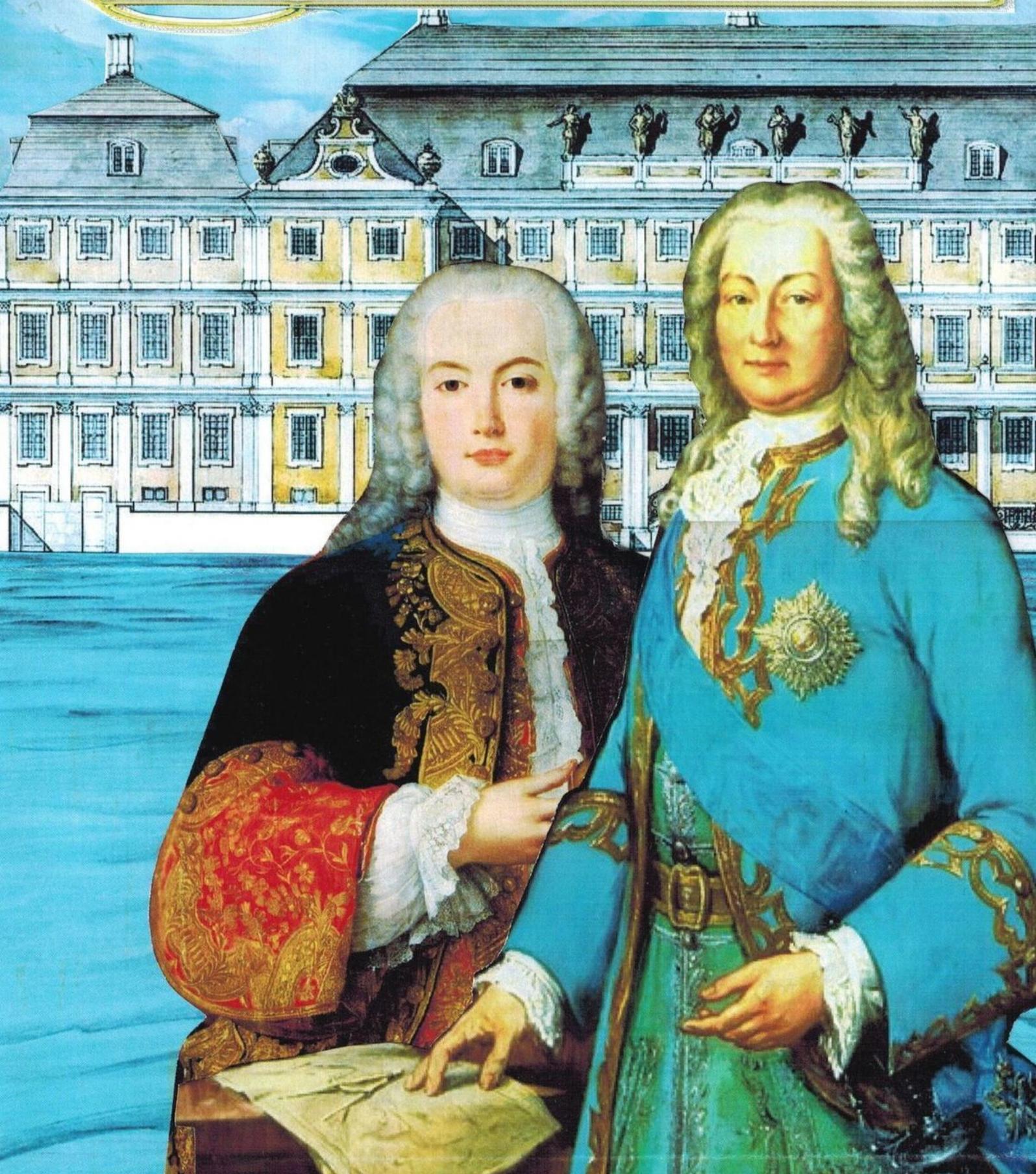

Ирина Костина

РЫЦАРСКАЯ АКАДЕМИЯ

Книга первая

Ирина Костина

**Рыцарская академия.
Книга первая**

«Издательские решения»

Костина И.

Рыцарская академия. Книга первая / И. Костина —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-930257-1

1733 год. Умер король Август. Франция и Россия разворачивают борьбу за польское наследство. А тем временем в Петербурге за право быть первой фигурой у трона императрицы Анны Иоанновны отчаянно соперничают её преданные вассалы: фаворит Бирон, канцлер Остерман и фельдмаршал Миних. И всё это — большая игра великих мастеров аферы, талантливая и безжалостная, в которую нечаянно вовлечены юные кадеты Рыцарской Академии с Васильевского острова.

ISBN 978-5-44-930257-1

© Костина И.
© Издательские решения

Содержание

обращение от автора	7
1733 год	8
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Рыцарская академия

Книга первая

Ирина Костина

© Ирина Костина, 2019

ISBN 978-5-4493-0257-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

автор Ирина Костина

обращение от автора

Дорогой читатель!

Ты держишь в руках первую книгу, которая начинает исторический роман «Нет цветов у папоротника», состоящий из семи книг.

Роман охватывает период событий в Российском государстве с 1733 года, времени правления Анны Иоанновны, и заканчивается серединой 1740-ых годов, когда корона Российской империи уже венчала голову Елизаветы Петровны.

Исторические события в нём разворачиваются на фоне житейских историй приятелей кадетов первой в России Рыцарской Академии, что позже будет переименована в Кадетский Сухопутный корпус. Они учатся, озорничают, влюбляются, попадают в переделки и, сами того не ведая, зачастую становятся участниками событий, которые впоследствии потомки впишут в учебники.

Такие исторически известные фигуры, как Анна Иоанновна, её фаворит Бирон, племянница Анна Леопольдовна, канцлер Андрей Остерман, фельдмаршал Миних, царица Елизавета и прочие – тоже предстанут на страницах романа главными героями. Они здесь, как и все обычные люди – радуются и страдают, боятся и рискуют, а бывает, тоже попадают в нелепые ситуации.

Если эта книга тебе понравится, то продолжение ты сможешь найти в следующих:

«Польский этюд» – вторая книга.

«Капкан на принцессу» – третья книга.

«Матовая сеть» – четвёртая книга.

«Наследники и самозванцы» – пятая книга.

«Рецепт дворцового переворота» – шестая книга.

«Нет цветов у папоротника» – седьмая книга.

Ирина Костина.

1733 год

Франция

Одинокий всадник мчался по ночной дороге, с хрустом ломая подмёрзшую грязь. Его плащ, сбившийся на бок, хлопал на ветру, точно парус на ботике.

Миновав вырубленную рошу, наездник уверенно свернул с широкой дороги, что вела на Париж, и устремился по узкой просеке, где в конце маячило очертание церкви. Это местечко называлось Исси-ле-Мелино. Без труда найдя в безлюдных тёмных улочках нужный ему дом, незнакомец спешил и решительно забарабанил в дверь.

На шум явился слуга.

– Срочное донесение из Варшавы для Его преосвященства! – запыхавшись, выпалил гость, протягивая бумажный свиток.

И тут же был принят в объятия спящего дома.

Дом был загородной резиденцией кардинала Флери – негласного правителя Франции. Сам король молодой Людовик XV делами заниматься не любил. И доверял управление страной кардиналу, питая к нему безграничное доверие.

Флери на ту пору было восемьдесят лет, но старик обладал ясностью ума и свежестью памяти лучше иного юноши. А его мудрости и расчётливости мог позавидовать опытный дипломат.

Слуга осторожно проник в спальные покои хозяина:

– Ваше преосвященство. Гонец из Варшавы со срочным донесением.

Очевидно, новости из Польши были нынче чрезвычайно важны, так как, услышав сообщение, Флери тут же поднялся. Без лишних слов позволил облачить себя в халат и усадить в кресло, приказав впустить гонца.

Тот, припав на колени, целуя кардиналу руку, вручил опечатанный свиток и коротко сообщил:

– Король Август скончался!

Флери коротким жестом отослал посыльного прочь, сорвал печать со свитка и погрузился в чтение. Ознакомившись с посланием, вызвал звуком колокольчика слугу и распорядился:

– Пригласите секретаря; мне нужно немедленно продиктовать несколько писем.

На следующее утро в кабинете Флери находился министр финансов д'Арновиль, внимательно внимая новостям из Польши:

– Итак, исполнительная власть в Польше в руках примаса Потоцкого?

– Временно! – уточнил кардинал.

– Но его русское происхождение, наверняка сыграет немаловажную роль в том, чья именно креатура будет выдвинута на престол?

– Патриотические чувства – безусловно, важная часть человеческой природы. Но золото – всегда более веский гарант! – мягко парировал Флери.

– Тут Вы совершенно правы.

– Поэтому, подготовьте деньги, д'Арновиль, и оправьте гонца в Варшаву. Да не скупитесь! Пусть это письмо он передаст вместе с деньгами нашему посланнику при польском дворе.

Тот принял свиток:

– Будет исполнено, Ваше преосвященство.

Флери сделал внушительный жест:

– Короля в Польше выберет шляхетство. А выберет оно того, кто угоден Франции!

Министр склонил голову в знак согласия. Тем временем кардинал протянул ему второе письмо:

– А это перешлите Лещинскому. Пусть наш дорогой тесть готовится надеть на голову утерянную корону.

Санкт-Петербург

Рыцарская Академия (бывший Меншиковский дворец)

Солнце будто не желало вылезать из-под облачного одеяла – то выглядывая, то снова кутаясь в него. Об его пробуждении можно было лишь догадываться по робкой позолоте, едва тронувшей поверхность Невы.

Наконец, одинокий луч выбился из небесной перины; сладко потянувшись, спросонок ткнулся шальным солнечным зайчиком в окна бывшего Меншиковского дворца.

Василий Мíкуров невольно прикрыл ладонью глаза. Он сидел, забравшись с ногами на широкий подоконник, и всматривался в пейзаж за окном. Пришвартованные барки хлюпали носами, тычась в дощатый пирс. Недавно сооружённый наплывной мост величественно дремал, сдерживая тугие всплески набегающих волн.

А на том берегу в глубине деревьев, подёрнутых полупрозрачной, как шифоновая косынка, зеленью поблёскивали кресты Исаакия Долматского.

Василий вытянул вперёд руку, оттопырив большой палец, и, прищурив глаз, совместил его со шпилем адмиралтейской башни. Поворачивая палец то в сторону, то вверх, что-то усердно прикидывал в уме. Затем схватил грифельную доску и стал писать. Сперва перекрещенные линии, затем цифры и следом – формулы и расчёты.

Скрип мела по грифельной доске гулко звучал в тишине комнаты, скромная обстановка которой была рассчитана на пятерых обитателей. Четверо из них мирно спали в кроватях. У каждого рядом с кроватью на стуле висел отутюженный кафтан тёмно-зелёного сукна с алым подбоем и золотым позументом по борту. А так же лосиного цвета суконный камзол, рубашка и панталоны. Чёрная треугольная шляпа с кокардой из белых шёлковых лент. На полу стояли начищенные прислугой башмаки со штиблетами (особый род голенищ, покрывавших ноги от ступни до колена и застегивавшихся на пуговицы). Обитатели комнаты были кадетами первой в Петербурге Рыцарской Академии.

Мел под нажимом руки издал противный скрежет и раскрошился. Пробудившийся от этого звука Иван Лопухин приподнял с подушки вихрастую голову.

– Микура? ... И чего тебе, лешему, не спится?! До подъёма ещё далеко?

Василий вытянул палец, прищурился и убедительно сообщил:

– Ровно три минуты.

Лопухин фыркнул и затрясся от смеха:

– Твой палец работает, как хронограф господина Гаррисона?

– Может, и лучше! Пойди сюда; чего покажу!

Ванька, нехотя, вылез из постели:

– Ну?

– Гляди! – Василий ткнул пальцем в здание адмиралтейства, – Видишь, тень от шпиля башни? Я вычислил её перемещение в зависимости от времени. По моим расчётам, когда тень доберётся до крайнего бастиона, будет ровно пять часов. И выстрелит пушка...

– Да, ладно?!

– Хочешь проверить?

Друзья прильнули к оконному стеклу, наблюдая движение тени. Вот она своим острым концом проползла по стене и коснулась крайнего бастиона крепости.

– И? – нетерпеливо спросил Иван.

В тот же миг во дворе Рыцарской Академии выстрелила пушка, возвещая всеобщий подъём. Микуров от радости со всего маху хлопнул приятеля по плечу:

– А?! Что я тебе говорил? Вот, что значит, правильный расчёт!!

Лопухин потёр ушибленное плечо:

– Микура! Вот ты чудило! И что только у тебя в башке творится?! – и оглянулся вглубь комнаты, – Эй! Засони! Подъём!!!

Семейства Лопухиных и Микуровых были дружны, поэтому Иван и Василий, выросли вместе, как братья. И даже имели некоторое внешнее сходство; оба высокие, рослые, русоволосые и сероглазые. Однако, характерами заметно отличались.

Микуров обладал неиссякаемым стремлением к овладению знаниями. И в первый же год обучения в Рыцарской Академии, перечитал все имеющиеся в арсенале книги. В совершенстве знал четыре языка. Приятели по комнате уже привыкли к тому, что Василий мог вскочить среди ночи и спешно писать что-то мелом на грифельной доске, так как его мозг постоянно рождал какие-то идеи. И даже в житейских ситуациях Микуров пытался искать таинственную суть.

Друзья-кадеты, хоть и посмеивались иногда над его чудачествами, но уважали.

Совершенной ему противоположностью был Лопухин – озорник и забияка. Его жизненное кредо – постоянно попадать в истории. А из многочисленных передраг он выбирался путём изворотливости и неиссякаемого оптимизма.

Друзья по-свойски, звали друг друга Лопух и Мíкура. Эти прозвища быстро прижились и в среде кадетов.

Согласно распорядку дня в рыцарской Академии, после подъема кадетам давалось два часа на то, чтобы умыться одеться, позавтракать и приступить к занятиям в классах.

Ванька бросил подушку в Дмитрия Голицына:

– Подъём!! Сонная тетеря!

Тот сквозь сон невозмутимо нащупал брошенную подушку и пристроил её под голову в дополнение к своей.

– Нет, ты видел? Каков жук!! – расхохотался Иван, – Небось, опять шлялся на кухню за полночь, а теперь дрыхнет! А, Митяй?!

– Ну, чего ты брешешь, Лопух?... – раздосадовано пробубнил тот, – Когда это я шлялся ночью на кухню? И зачем?

– Знамо дело, когда! Второго дня!

– И знамо дело, зачем, – поддержал его иронично Микуров.

– Селёдки на ночь поел. В горле пересохло.

– Рассказывай! Знаем мы, в каком месте у тебя пересохло, – продолжал глумиться Лопух, – Все видели, как новенькая повариха тебе глазки строила!

– Точно-точно!

– И каши тебе больше всех положила! До краёв!!

– Вот дураки, – проворчал обижено Голицын, отворачиваясь к стене, – Языки у вас без костей.

– И как ей было устоять? – не унимался Ванька, – Бедная девка из матросской слободки, никого, кроме грязных матросов отродясь не видывала. А тут – красавец кадет!

– Глазищами синими глянул – как рублём подарил!

Голицын не выдержал, откинул одеяло:

– Ну, будет балаболить-то! Вот я вас!

И он с размаху запустил в них обе подушки. Васька с Иваном, хохоча, увернулись.

Дмитрия Голицына друзья звали Митяем. Он был сыном генерала-фельдмаршала Михаила Михайловича Голицына. Все дети в семье Голицыных получали хорошее домашнее образование; кроме обучения трём языкам, математике и философии, отец настоятельно приобщал сыновей с малых лет к военному делу.

Митяю нравилось щеголять в кадетской форме, маршировать в строю, гарцевать верхом и стрелять по мишеням. Но особого усердия в овладении науками он не проявлял, так как с детства усвоил, что можно добиться всего желаемого через внешнее обаяние. От матери он унаследовал мягкую бархатистую кожу, золотистые густые кудри и ярко-синие глаза. И красивой внешностью заметно выделялся среди кадетов. Оттого часто привлекался директором к исполнению мелких поручений, которых требовал этикет при встрече высоких персон, как-то: проводить гостя к директору, подать чернильницу, подержать генеральскую собачку. Дамы таяли, как снег по весне, видя красивого златокудрого мальчика в кадетской форме, протягивали для поцелуя руки и непременно совали юноше в ладошку монетку в ответ на оказанную любезность.

Да и учителя, иной раз, поддавшись на обаятельную улыбку Голицына, проявляли к нему снисхождение и, вместо заслуженного наказания, он отделялся лишь нравоучениями. Эта несправедливость вызывала негодующий отклик в среде кадетов. И оттого внешность Митяя была всегда предметом язвительных насмешек друзей.

Подушки, брошенные в сердцах Голицыным в Микуру и Лопуха, прилетели в кровать Петру Трубецкому, который спросонок таращил глаза на дурачившихся приятелей.

– Труба! Подъём!! – прокричал ему Ванька на ходу, улепётывая от Митяя, который, промахнувшись подушкой, теперь намеревался стегануть приятеля полотняным рушником.

Трубецкой выкарабкался из заваливших его подушек:

– Мне снился удивительный сон, – произнёс он, зевая, – Будто бы я в нашем московском поместье. И батюшка купил в кондитерской огромный торт. Накрыли стол на террасе. И нянька режет этот торт. А крема столько, что он кусками липнет к ножу...

Его никто не слушал. Голицын отчаянно «фехтовал» на рушниках против Микурова с Лопухиным. И в этой театрализованной схватке они скакали по комнате, сметая всё на своём пути так, что поднявшийся с кровати из дальнего угла кадет Бергер, жался к стене, стараясь избежать попадания в этот замес.

– И вот только я поднёс ко рту этот кусок торта, как...

Трубецкой не успел досказать окончание сна, в этот момент троица – Микуров, Голицын и Лопухин ураганом пронесли по Петькиной кровати, в запале скидывая с неё одеяло, простыни, подушки и самого Петьку.

Дверь в комнату отворилась. Вошёл слуга Прохоров, неся воду в тазу для умывания:

– Господа кадеты. Извольте умываться! – и, увидев кучу малу, укоризненно покачал головой, – Ну, что вы, ей-богу, устроили?!

Он крепко ухватил мальчишек за вороты рубашек и растащил по углам.

Сидя на полу в ворохе белья Петька Трубецкой, воспользовавшись паузой, как ни в чём ни бывало, досказал:

– Так вот. Только я поднёс ко рту этот кусок торта, как вдруг вижу, что это вовсе не торт, а мой старый башмак, что я прошлым летом обронил в реку... Приснится же такое?

– Это тебе, Труба, предупреждение: чревоугодие – смертный грех! – сообщил Ванька, закатывая рукава и подставляя руки для умывания.

Петька, по прозвищу «Труба», сын генерал-майора Никиты Юрьевича Трубецкого, был самым младшим в комнате и совершенно не способным к военному делу. Воспитанный матушкой с няньками в любви и заботе розовощёкий пухляк Петька был насквозь пропитан романтикой и мечтательностью. На занятиях по строевой подготовке он важно тянул носок, но всё

время путался в поворотах налево, направо и отставал в строю. На лошадь забирался со страхом. И фехтовал с закрытыми глазами, боясь окриветь.

Тем не менее, друзья любили его за то, что Труба был добр и доверчив, как ребёнок. Он смешил их высокопарными рассуждениями, неиссякаемым желанием вкусно поесть и пылкой влюблённостью в кузину Анастасию Ягужинскую. При этом предмет его обожания и не подозревал об его пылких чувствах. Но Петька искренне страдал, сочинял стихи и неистово малевал портреты своей возлюбленной, уединившись в кабинете для рисования.

Кадеты столпились вокруг таза, подставляя руки под струю воды, и тщательно намыливали лица и шеи. Митяй и Лопух никак не могли уgomониться, продолжая исподтишка тыкать и щипать друг друга. Иван брызнул в Митяя водой. Тот в отместку макнул Ваньку головой в таз. Лопухин кинулся на Голицына с кулаками. Митяй заметался по комнате и выскочил за дверь, приперев её собою с той стороны. Лопухин начал ломиться в дверь с этой. Голицын не уступал. Силы были примерно равные – дверь не поддавалась.

– Ну, ладно! – Ванька отступил, лихорадочно оглядываясь в поисках подходящего предмета.

Взгляд его упал на таз с мыльной водой.

– Сейчас ты у меня получишь! – в преддверии мести, Лопухин удовлетворённо потёр ладони, схватил таз и встал на изготовке перед дверью.

Ожидания его не замедлили подтвердиться – дверь распахнулась. Лопух резко выплеснул воду из таза и... оторопел.

Вместо Голицына, в дверном проёме стоял воспитатель Шашков. Застыв от неожиданности, он выпучил глаза. А с его побагровевшего лица, с парика, и с кафтана стекали струйками мыльные ручейки.

– Э...эт-то что такое?! – взревел Шашков, приходя в себя. И увидел замершего напротив отрока с пустым тазом, – Кадет Лопухин?! Ты что себе позволяешь?!

– Я...

– Молча-а-ать! Розги!! Десять штук!!!

Лопухин опустил таз и вытянулся в струнку перед воспитателем:

– Прикажете отправляться сейчас?

– Незамедлительно!!

– Так точно.

И, накинув кафтан, направился получать наказание. Воспитатель посторонился, пропуская Лопухина, и собрался было выйти следом, но тотчас воротился:

– Ах, да! Перед завтраком общее построение во дворе! Никому не опаздывать!! – он обвёл суровым взглядом всех обитателей комнаты и погрозил кулаком, – Глядите у меня!!

Основным методом наказания в Рыцарской Академии была порка. Для этой цели на задний двор еженедельно привозились розги – гружёная доверху телега. Кроме порки, в качестве наказания, широко применялась маршировка на плацу (внутренний двор) после занятий или после всеобщего отбоя; на языке кадетов это называлось «шагомер». За более серьёзный проступок воспитанников подвергали аресту. Для старших классов была ещё одна форма наказания – штраф.

В воспитании будущих офицеров наставники были строги и беспощадны. И, даже если кому-то из кадетов за время учёбы удалось избежать ареста, то не испытать на себе «шагомер» или розги было невозможно. А штрафы сыпались, как июльский дождь.

Иван Лопухин за год обучения был порот уже множество раз. А уж периметр плаца изучил до того, что мог маршировать по нему с завязанными глазами.

Проводив приятеля взглядом, кадет Бергер тихо посетовал:

– Не повезло Лопуху. Сегодня Никич дежурит; а он, скотина, розги в воде вымачивает, чтоб сечь больше.

Наряду с представителями русского дворянства в Академию были зачислены дети лифляндских шляхтичей. При этом лифляндцы непременно должны были проживать вместе с русскими, чтобы скорее обучаться языку. Поэтому в комнате, где обитали кадеты – Лопухин, Микуров, Голицын и Трубецкой – пятым был сын курляндского дворянина Яков Бергер.

Бергер, в силу немецкой природы, отличался аккуратностью и дисциплиной. К учёбе относился с ответственностью – самозабвенно зубрил уроки, неукоснительно соблюдал распорядок Академии, почтительно обращался к учителям и никогда не участвовал в проказах и шалостях. Одним словом, по мнению, приятелей по комнате, был жутким занудой! И, тем не менее, ведя праведный образ жизни, всё равно бывал бит розгами. И чаще всего, как затейник драки; кадеты часто подтрунивали над ним, вынуждая пускать в ход кулаки.

По наставлению воспитателя, приятели, одевшись, поспешили на плац во внутренний двор, куда уже стремились кадеты всех остальных классов. Выстроившись по периметру, они галдели, выясняя, не знает ли кто, для чего их собрали? Но сразу притихли при появлении директора. Генерал-майор Люберас обвёл всех внушительным взглядом и сообщил:

– На следующей неделе начинаются первые в истории нашей Рыцарской Академии выпускные экзамены. (ряды выпускных классов откликнулись унылым вздохом) И это значительное событие решила почтить своим царственным визитом Ея императорское величество Анна Иоанновна!

По строю пронёсся тревожный гул.

– Тихо!! – осадил их Люберас, – Государыня пожелала лично присутствовать на экзамене. А затем открыть бал в честь выпускников Академии. Приём столь высокой особы в этих стенах – большая честь и большая ответственность!

Он сделал паузу. И продолжал:

– До означенного события осталось семь дней. И наша общая задача – не ударить в грязь лицом, а подготовить и провести встречу с государыней наилучшим образом! Командирам и воспитателям выданы предписания для каждого класса по приведению в порядок помещений и внутреннего двора. Кадеты выпускного класса от уборочных работ освобождаются. Им следует восполнить недостающие знания и довести до совершенства упражнения по экзерциции, дабы на экзамене не посрамить чести учителей!

Директор снял головной убор, вытер платком капли пота на напряжённом лбу, переходящем в намечавшуюся лысину, и добавил:

– Если императрица останется довольна, обещаю – все получите пять дней отпуска.

Эта новость была встречена с восторгом. Начались перешёптывания и галдёж по поводу того, как и где лучше всего провести эти пять дней.

– Я сказал, если императрица останется довольна!! – строго повторил Люберас, пресекая пустые разговоры, – А теперь марш завтракать!!

Обосновавшись за столом, друзья, не забывая орудовать ложками, обсуждали предстоящее событие.

– Ух, ты! Первый бал в Академии! – смаковал новость Голицын, – Приедут барышни.

– Кому – что! – фыркнул Лопух, – А Митяю – барышни!

– А государыня, наверняка, будет с племянницей-принцессой, – продолжал Митяй.

– Во даёт! Ох, и смазливый ты, селезень!

– Хочешь покорить сердце «будущей матушки будущего наследника престола»?

– Прынец нашёлся!!

Голицын в ответ показал им язык.

– Интересно, будут ли Ягужинские? – задумчиво произнёс Петька, размазывая по тарелке кашу.

– Ты разве не знаешь, что Ягужинские уехали в Берлин?

– Как?! – ахнул Петька.

– Павел Иванович получил от государыни назначение к прусскому двору? – блеснул познаниями Лопухин.

Матушка Лопухина была статс-дамой при императрице и ведала всеми придворными сплетнями. А посему, Иван всегда был осведомлён о новостях больше всех остальных.

– Я ничего не знал! – тарашил глаза Петька, – А как же Анастасия?!

– Укатила в Берлин твоя зазноба! Вместе с батюшкой!

Трубецкой уныло сложил ложку:

– Как же так? Я что, её больше не увижу?!

– Хватит ныть! Доедай кашу! На уроки пора.

– Я не стану есть. Я в унынии.

– Да, брось!

Но Петька решительно отодвинул от себя тарелку:

– Нет! Я в отчаянии!!

– Ого! Братцы! Слышали?! Труба объявил голодовку.

– Неслыханные жертвы!

– Из—за девчонки!

Петька покраснел и стал оправдываться:

– И вовсе нет...

– А из-за чего? – лукаво поддел его Лопухин.

– Обидно за её отца. Между прочим, Павел Иванович Ягужинский идейный вдохновитель нашей Академии, – залепетал тот.

– И что?

– И будет несправедливо, если первый экзамен пройдёт без него!

Приятели громко расхохотались, давась кашей:

– А-а! Так ты из-за Павла Ивановича так расстроился?!

– Вот насмешил-то!

– Да брось! Роль отца-вдохновителя на экзамене успешно исполнит Миних.

– И это без шуток! – неожиданно возмутился Василий, – Я считаю, что Миних внёс вклад в создание Академии куда весомее, чем Ягужинский!

– Успокойся, Микура! Никто не умаляет заслуг Христофора Антоновича. Просто, в глазах кадета Трубецкого, Миних проигрывает Ягужинскому только в одном.

– В чём?

– У него нет красавицы-дочери!! – зашёлся от хохота Ванька.

К началу 30-ых годов XVIII века Российская империя испытывала нехватку в квалифицированных военных чинах. А то малое количество военно-учебных заведений, что были открыты в царствование Петра-I, уже не могли в полной мере обеспечить армию и флот офицерами. За семь лет после кончины великого реформатора царствующие монархи совсем не уделяли внимания вопросу образования.

После воцарения на престол Анны Иоанновны, граф Павел Иванович Ягужинский стал активно склонять государыню к разрешению данной проблемы, предлагая воспользоваться европейским опытом образовательной системы. Миних поддержал Ягужинского и разработал собственный проект нового образовательного учреждения для воспитания и обучения фузе-лёров и гренадёров, будущих офицеров сухопутных войск.

Государыня одобрила представленный проект и отдала приказ – учредить первый в России кадетский корпус.

Было решено, что обучать в нём будут только детей дворянского сословия, достигших 13 лет и обученных грамоте. По выпуску они должны заступить в армию на офицерские должности в звании подпоручиков или прапорщиков.

Именно, с лёгкой руки Миниха корпус получил название Рыцарской Академии, так как Миних заботился о том, чтобы кадеты получили не только военное обучение, но и светское воспитание.

По проекту Академия делилась на две роты и на классы. Самые младшие именовались 4 классом. А будущие выпускники – 1 классом. Весь период обучения занимал 5—6 лет.

Под здание новоявленной Академии Миних выпросил у императрицы из казны бывший Меншиковский дворец на Васильевском острове. Хозяин дворца к тому времени уже скончался в Берёзове, куда был отправлен в ссылку по приказу внука Петра Великого.

Торжественное открытие Академии состоялось в прошлом году 17 февраля.

На должность главного директора Анна Иоанновна справедливо назначила самого Бурхарда Кристофора Миниха (в России его звали Христофор Антонович). Но в то же время взвалила на плечи талантливого и проворного графа иные проекты, требующие срочного исполнения и профессионального подхода. В силу невероятной занятости Миниха, непосредственное заведование Академией было решено доверить генерал-майору Иоганну Люберасу.

Итак, здание для кадетов государыня нашла, программу обучения утвердила. Но, надо сказать, что к этому моменту в России не существовало ни педагогической науки, ни теоретических и практических разработок по преподаванию. Учебников тоже не было. В Петербурге нельзя было достать большинства книг и приборов, необходимых для учёбы. Не было и опыта обучения одновременно гражданским и военным дисциплинам. И учителям пришлось делать всё впервые методом проб и ошибок.

Да и самих учителей было недостаточно. Первые преподаватели были приняты на работу без всяких проверок, их подготовкой никто не интересовался. В первую очередь принимались те, кто имел жильё на Васильевском острове недалеко от корпуса, потому что в самой Академии мест для размещения учителей не было.

Объяснением предмета или наглядными пособиями учителя себя не обременяли; основным методом заучивания материала был зубрёжка. А, поскольку все книги по включенным в программу наукам были только на иностранных языках, то в обучение кадетам были введены немецкий, французский и латинский языки. Но и их преподавание ничем не отличалось от остальных.

После обязательных уроков грамматики с чистописанием и риторики кадеты прогуливались по залу. Следующий урок иностранного языка был на выбор: латинского, немецкого или французского.

– Куда пойдём?

– Я на латынь, – уверенно отозвался Бергер, придерживая подмышкой увесистую книгу на латыни, которую он штудировал вот уже второй год.

– Скукота! – сморщил нос Лопухин, – На французском куда веселее! Можно стащить очки у Пуазье и натереть стёкла воском! Вот будет потеха!!

Голицын хохотнул и ткнул приятеля в бок:

– Гляди, Лопух, доиграешься. Вычислит тебя француз и нажалуется директору. Вот будет тебе тогда потеха!

– Не дотумкает! – отмахнулся Ванька и повис на плече Василия, – Ну, что, Микура? Идём на французский?

– Пустая трата времени. Я итак свободно пишу и изъясняюсь на французском.

– Да ты и на немецком шпаришь, будь здоров! И на латыни. Может, сразу на выпускной экзамен пойдёшь? Блеснёшь перед государыней?

– Надо будет, блесну!

– Кто бы сомневался!

– Вот, если бы ввели в обучение турецкий язык..., – мечтательно произнёс Микуров.

– Это ещё зачем?! – возмутились приятели и дружно сморщили носы.

– Но мы же – будущие офицеры армии! – пристыдил их Василий, – А, если нам суждено будет воевать с Оттоманской Портой?

– Там толмачи найдутся.

– Враг страшится противника, зная, что тот может изъясняться на его родном языке! А идеологическая победа – выигранная битва.

– Ну ты и загнул, Микура!

«Труба» мизинцем почесал нос:

– А что, это интересная мысль..., – и, как всегда, пустился в фантазии, – Допустим, пошёл ты в разведку и подслушал, как турки в палатке обсуждают план завтрашней атаки. И всё слово в слово командующему доложил.

– Ага! Или осадили мы крепость с турками. И ты кричишь им на турецком языке: «Сдавайтесь! Иначе пощады не ждите!»

– Глупости всё это! Чтобы вести с неприятелем переговоры – на то дипломаты есть!

– Вот вы щеглы недалёкие!! Дипломаты в разведку не ходят!

В разгар спора к ним подошёл дежурный:

– Кадет Микуров! Срочно в кабинет господина директора. Поручение для тебя!

Надо сказать, директор всегда прибегал к помощи воспитанников Академии в доставлении почтовых депеш или деловых записок. Преподаватели тоже давали ученикам поручения что-то купить или доставить по адресу. Кадеты с радостью воспринимали эти поручения, так как это избавляло их от присутствия на уроках и давало возможность прогуляться по городу.

Но именно кадета Микурова господин Люберас к ответственным поручениям привлекал чаще остальных.

– Опять Микуре свезло! – досадливо рубанул воздух ладонью Лопухин, – Ну, почему, как поручение, так всегда ему?!

– *Dura lex, sed lex!* – с насмешкой ответил ему Василий.

– Чего?

Голицын не замедлил подтрунить:

– У-у, кадет Лопухин!! Да Вам бы надо подтянуть латынь!

– Сие значит «Закон суров, но это закон», – любезно перевёл Трубецкой.

– Ну, вас к чёрту с латынью!! – психанул Ванька, – Говорю, пошли на французский! А, если наскучит, можем сбежать. Труба! Ты идёшь?

Петька покачал головой:

– Нет. Я – на немецкий. Отец говорит, что именно знание немецкого языка теперь особенно важно для русского дворянина. В армии и при дворе полно лифляндцев. Союзники наши нынче – Габсбургский дом. К тому же, если моя военная карьера не сложится удачным образом, то всегда можно заручиться ходатайством у государыни в получении дипломатической должности. И хорошее знание немецкого языка позволит мне получить место при прусском дворе либо австрийском...

Митяй легонько толкнул Лопухина:

– Ну, всё. Завёл проповедь.

– Пошли! Его не переслушаешь!! – махнул рукой тот.

Уроки французского языка в Рыцарской Академии преподавал сухонький старикашка по фамилии де Пуазье. Он был слаб зрением и носил очки с толстыми стёклами, в которых был похож на пучеглазую рыбу, удивлённо взирающую из-за стенок аквариума. Господин де Пуазье стеснялся очков и потому всё время то надевал их, то снимал; отчего часто терял и забывал их где-то. Это было главным предметом для шуток; кадеты, озорничая, любили прятать очки француза. А однажды ради смеха намазали внутреннюю часть оправы сажей. Господин де Пуазье, ничего не подозревая, нацепил очки на нос. А, когда их снял, то вокруг его глаз чётко отпечатались чёрные ободки. Складывалось обманчивое впечатление, что учитель всё ещё в очках. Так он проходил до обеда, веселя кадетов.

Когда шутка вскрылась, француз разгневался, кричал и требовал признаться тому, кто это сделал. Но, разумеется, шутника никто не выдал. Хотя все прекрасно знали, что это Ванька Лопухин.

Вот и сейчас де Пуазье вошёл в класс в очках. Уселся за стол, осторожно положив на край столешницы кожаную сумку-скарселлу, которую неизменно носил с собой. Громко хлопнул в ладоши, призывая учеников к дисциплине и тишине. И произнёс:

– Messieurs, je vous prie de commencer la leçon.

Таким образом, он дал понять, что урок можно считать начавшимся. Преподаватель, прежде всего, был обязан следить за тем, чтоб кадеты не отвлекались, не мешали разговорами, смехом или хождениями по классу. Урок состоял в том, что каждый брал книгу на французском языке и в полголоса начинал читать. Можно себе вообразить, какой при этом стоял галдёж! Своей единственной учительской обязанностью Пуазье считал – прислушиваться к произношению и поправлять нерадивых учеников. Никаких диалогов не возникало, так как сам учитель по-русски не понимал ни слова, а его ученики – в большинстве своём, не понимали речь французскую. В общем, качество преподавания говорило само за себя.

Когда разноголосый ученический хор слился в монотонный гул коверканной французской речи, старичок учитель снял очки. Вложил их в толстый кожаный футляр и бережно убрал в скарселлу. И, прикрыв глаза, начал блаженно дремать.

В это время Лопухин на четвереньках подкрался к его столу и сунул руку в скарселлу. Кадеты, наблюдая его озорство, толкали друг друга локтями, хихикали, но не прекращали чтение, чтоб не испугнуть учителя. Ванька быстро нащупал плотный футляр с очками, вытянул его из сумки и так же на четвереньках вернулся на своё место за ученическим столом рядом с Митяем.

Друзья обменялись заговорщическим рукопожатием. Иван аккуратно сунул футляр в середину тома какого-то французского романа и с видом победителя откинулся на спинку стула:

– Всё! Враг обезоружен! – шепнул он Голицыну, – Ему теперь всё едино – двадцать человек в комнате или ни одного!

– Ну и ловок же ты, Лопух! – Митяй покосился на друга с восхищением.

Ванька пальцами взъерошил себе волосы:

– Честно говоря, голова пухнет от этой зубрёжки! Айда за Неву; чижей ловить!! Уже третьего дня как наплавной мост возвели. А у нас туда ещё нога не ступала!

– Говорят, там копейка за ход.

– Темнота!! На открытии моста императрицею было сказано, что кадетам и учителям Академии ход по мосту бесплатный!

– Правда?! Это добрая новость! – обрадовался Митяй, но тут же усомнился, – А что, как поймают? Может, после уроков?

– Куда там! Забыл? После уроков все, как один, на уборку – драить Академию перед визитом государыни!!

– Это верно.

– Пошли сейчас!! Не дрейфь!

– А куда пойдём?

Лопухин быстро смекнул:

– Пошли в лес за Кривушу. В Переведенскую слободу. Рядом сосновый бор; там чижей должно быть уйма! У меня, кстати, сетка с собой. И семечек конопляных в кармане найдётся.

– Далеко, однако... – продолжал сомневаться Митяй, мысленно прикидывая расстояние от Васильевского острова до Глухой речки.

– Чепуха!! К обеду обернёмся!

– А как же урок танца?

– Да сдались тебе эти танцы?! Скажем, животы болели.

Голицын сдался:

– Уговорил, чертяка! Пошли!

Пригибаясь, полуползком они начали пробираться к выходу. Кадеты, возмущённые, загудели.

– Эй! Лопух! Митяй! Вы куда?

– На тот берег, – шепнул Иван, – К обеду вернёмся.

– Это не по-товарищески! Вы – в бега, а мы – зубри! – запротестовал кадет Кропотов, хватая Ивана за ворот кафтана.

Тот одним рывком высвободился:

– Не кипятись ты! С нас – калым.

– Какой?

– Всему классу по сахарному леденцу!

– Ну, гляди, Лопух! Не обмани!

– Не обману. А ты, Кропотов, скажешь на уроке танцев, что у нас с Голицыным животы скрутило.

– Ладно.

Они договорным жестом хлопнули друг друга по ладони. И Митяй с Иваном беспрепятственно выскользнули из учебного класса.

К основному зданию Меншиковского дворца ещё к открытию Рыцарской Академии, по распоряжению Миниха, были пристроены каменные флигели для размещения кадетов и офицеров. Но во внутреннем дворе продолжало идти строительство – возводились здания для комнат преподавателей, обслуживающего персонала, новых учебных кабинетов, спортивных залов и прочих помещений. И в этой суматохе кадетам ничего не стоило, лавируя между рабочими, пробежать через двор. Несмотря на то, что Академию окружал плотный и высокий забор, многие кадеты знали место, где одна из досок была снята с нижнего гвоздя, и легко отходила в сторону, позволяя незаметно покинуть территорию. И также незаметно вернуться.

Выйдя на набережную, друзья сразу оказались у заставы наплавного моста.

Дело в том, что построить постоянный мост через широкую Неву в то время технически было невозможно. Поэтому переправой с Васильевского острова на Адмиралтейский служил мост, состоящий из барок-плашкоутов, поверх которых настилалось деревянное перекрытие. Он удерживался вбитыми близ берега сваями и несколькими корабельными якорями. Два пролёта были разводными – для прохода судов их отводили в сторону. Такой мост назывался плашкоутным, а в народе – наплавным. Вскоре к нему стали применять третье название – Исаакиевский мост, оттого, что на противоположном берегу Невы мост упирался в площадь перед церковью Исаакия Далматского.

Конечно, такой мост был ненадёжным. Любой шторм на Неве уничтожал его. Поэтому мост возводили каждую весну, а осенью убирали.

Движение по наплавному мосту было платным. С карет парами взималась плата в пять копеек, с экипажей в одну лошадь – три копейки, с воза – две копейки, с пешеходов брали по одной копейке.

Друзья деловито козырнули вахтенному и вприпрыжку, приплясывая, пересекли мост. Учитывая затворнический образ жизни, любая вылазка за стены Академии была для них приключением. Особенно тягостно было в начале весны, с таяния снега до окончания ледохода; кадеты чувствовали себя узниками, заточёнными на огромном острове, лишёнными сообщения с левым берегом Невы. И наведение наплавного моста по весне в первых числах мая всегда было праздником; возможностью ступить на другую землю. Тем более, что именно там, на левом берегу, после переезда императорского двора из Москвы в Петербург, начала активно заселяться и строиться адмиралтейская сторона. Именно там теперь располагались все увеселительные заведения: дворцы и парки, магазины и площади. А так же и родные дома кадетов – родительские особняки, куда им отныне можно было наведаться только по случаю предоставленного отпуска или по болезни.

Восхищённо оглядывая стены Адмиралтейской крепости, в которой с начала года было затеяно переустройство (мазанковые строения заменялись каменными), Иван с Митяем миновали Большой луг и деревянные постройки адмиралтейской слободы. И помчались вперёд, взяв курс на Вознесенскую церковь, смеясь и радуясь, обгоняя друг друга и дурачась так, словно ничего более счастливого в их жизни просто и быть не могло. А, впрочем, какие заботы могут одолевать отроков в возрасте пятнадцати лет?

Ловля чижа – занятие весьма простое. Чиж – птица доверчивая и легко идёт на приманку. Для этого достаточно выбрать место на открытой полянке с невысокими кустами, посыпать на землю семян и шелухи. А сверху на веточки-тычки положить сетку, нить от которой охотник держит у себя, прячась за кустами. Как только чиж сядет под сетку лакомиться угощением, охотник дергает нить; тычки падают и сеть накрывает чижа.

Пойманного чижа легко продать, потому что столичные жители любят держать дома певчих птиц. А чиж очень быстро привыкает к неволе, неприхотлив в корме и поёт очень красиво и заливисто.

Ивану с Митяем повезло. Они быстро отыскали подходящее место в бору неподалёку от Вознесенской церкви и городского кладбища. И не позднее получаса в их сетку попал чиж. Да такой славный! С золотистой грудкой и переливчатым зелёным цветом по крыльям и хвосту.

Радуясь, приятели поместили птицу в шляпу Митяя и, в предвкушении звонкой монеты, что они выручат за пойманного чижа, пустились в обратный путь.

– Значит, так! На рынок толкаться не пойдём, – рассуждал деловито Иван, – Рядом с Адмиралтейской крепостью возле смольных магазинов есть одна торговая лавка. Тамошнему хозяину сдадим!

– Почём ты знаешь, что возьмёт?

– Я в прошлую зиму ему пять штук продал!!

– Ух, ты!

– А то! – хвастливо задрал нос Лопухин, – Я в этом деле ушлый! Мы ещё, когда на Москве жили, с Микурой чижей ловили. А ещё синиц и щеглов. Но те хуже на корм идут. Их сподручнее на подманку брать.

– Как думаешь, сколько лавочник даст?

– За зелёных пятнистых по сорок копеек давал. А этот вон какой красавец! Меньше, чем за шестьдесят не уступим!!

Кадеты пересекли узкий деревянный мост через Мойку, прошли пустующие участки, выделенные под постройку домов, на Большой и Малой Морских улицах. И остановились

на Большом лугу переждать, пока какой-то крестьянин перегонял через дорогу стадо овец. Пастух был молод и нерадив; овцы его разбрелись, кто – куда и заплотили дорогу.

И вдруг со стороны Новой Голландии показалась богатая карета с открытым верхом, запряжённая шестёркой коней. С такой роскошью по Петербургу разъезжала только сама императрица.

Горожане, кто был поблизости, остановились, ротозея. Мужчины сняли шляпы. Женщины присели в глубоком поклоне. Возница привстал на козлах и заорал что есть мочи:

– Дорогу давай!!!

Но, перепуганный пастух ещё сильнее растерялся. Овцы в страхе стали сбиваться в кучу, всё больше запруживая дорогу. Кучер натянул поводья и принялся на все лады костерить овец и их тупоголового пастуха.

Карета остановилась как раз, поравнявшись с кадетами, которые от страха остолбенели. Прямо перед ними возникли две женщины, разодетые в шелка и бриллианты так, что глаза слепило. Одна из них, постарше, высокая и тучная была императрица Анна Иоанновна. Кадеты часто видели её; в течение года государыня уже дважды навещала Академию. Другая – юная и хрупкая – её племянница четырнадцатилетняя Елизавета-Екатерина-Христина, которую императрица недавно окрестила в православную веру, и теперь её следовало именовать Анной Леопольдовной.

Ни для кого был не секрет, что год назад Анна Иоанновна торжественно объявила, что наследование трона оставляет за будущим ребёнком (мальчиком), коего родит из своего чрева её племянница. Императорская воля показалась для всех странной, но придворные послушно присягнули на верность ещё не зачатому младенцу. И отныне на девочку-принцессу Анну — Лизу все смотрели с почтением, как на будущую мать будущего наследника Российского престола.

Кучер продолжал размахивать кнутом и орать на пастуха, переходя на бранные слова. Анна Иоанновна без тени волнения (даже с интересом) наблюдала, как горожане пытаются помочь пастуху согнать овец с дороги. Тем временем племянница повернула голову, встретившись взглядом с Митяем и Иваном. Застенчиво улыбнулась, показав ямочки на щеках. И потянула за рукав императрицу, громко зашептала:

– Тётушка! Взгляните, какой красивый мальчик.

И ткнула пальцем в направлении Голицына. Анна Иоанновна хлопнула её по руке и пожитейски отчитала:

– Посмотрите-ка на неё! Русская принцесса! Головой крутит во все стороны, только свист в ушах стоит! Мальчиков она на обочинах высматривает!! К тебе на днях жених из немецких земель пожалует!

Анна-Лиза покраснела до самых ушей и поджала губы от обиды. Но тут же, вспыхнув глазищами, снова начала дёргать государыню на рукав:

– Тётенька! У него в шляпе кто-то шевелится!!

В этот момент чиж предательски засвистел и забился в шляпе.

– Там птичка!! – радостно взвизгнула принцесса. И повисла на руке у императрицы, – Тётушка! Я хочу птичку! Пожалуйста, пожалуйста!!

Анна Иоанновна была вынуждена обратить внимание на двух отроков, застывших перед каретой.

– А ну, пойдите сюда! – поманила она их пальцем, – Кто такие будете?

– Кадеты конной роты Рыцарской Академии Вашего императорского величества! – отта-рабанил Лопухин.

– А в шляпе чего?

– Чиж.

Вот уж влипли так влипли!

– Покажи.

Митяй трясущимися руками протянул им шляпу. Императрица ткнула локтем племянницу в бок:

– Анька. Глянь ты. Да осторожно! Не выпусти!

Девочка кончиками пальцев приподняла краешек шляпы:

– Ой, какой красивый!! Грудка жёлтая! А на спинке перышки зеленые, будто переливаются. Чудо, как хорош! Ах, тётушка, мне хочется такого!!

– Возьмите себе, Ваше высочество, – Митяй не без сожаления отдал шляпу царевне, стараясь выглядеть учтивым.

– Мне?! – обрадовалась она, – Ой! Спасибо!!!

– Та-ак! – угрожающе протянула государыня, – Это что же вы, господа кадеты, во время учёбы прогуливаться изволите?! Чижей ловить!! Или за вами присмотру в Академии нет?!

Ну, вот и дождались... У Голицына холодный пот ручейком скатился по спине. А Ванька неожиданно выпалил:

– Никак нет, Ваше императорское величество! Мы по поручению!

– По какому-такому поручению?

– От господина учителя.

– Какого именно?

– Преподавателя французского языка господина де Пуазье.

Голицын чуть не поперхнулся, но усиленно делал вид, что полностью согласен с товарищем. Анна Иоанновна насмешливо указала пальцем на шляпу:

– Это он вас попросил птиц ловить?

– Так точно!! – залепил Ванька и, не давая никому опомниться, выдал какую-то совершенно немыслимую тираду, – Господин Пуазье убеждён, что слушание пения птиц помогает лучшему усвоению произношения при изучении иностранных языков!

И, подумав, добавил:

– Новейшая французская метода.

Митяй после этих его слов готов был провалиться сквозь землю. Да и сам Лопух, осознав, что за чушь спорил, ждал, что сейчас на них обрушится вполне заслуженный гнев государыни.

Но, вопреки их ожиданиям, императрица вдруг задумалась и в изумлении пожала плечами:

– Надо же... Какие оригиналы преподают в нашей Академии! – и обернулась к племяннице, – Вот что, Аня! Верни птичку кадетам. Видишь, она им нужна для учёбы.

Но принцесса крепко обхватила шляпу, прижав её к груди, и капризно сморщила нос:

– Ну, тётушка!! Они мне её подарили!!!

– Бог с ним. Берите, Ваше высочество, – милостиво позволил Иван, – Мы ещё поймаем!

Императрица укоризненно покачала головой, сверля племянницу осуждающим взглядом. Затем залезла в наручный кошель, пошарила там:

– Вот вам. Держите за вашего чижа! – и сунула монетку в ладонь Лопухина.

– Благодарствуйте, Ваше императорское величество!

Но она уже потеряла к ним интерес:

– Что там с дорогой?!

– Можно ехать! – сообщил возница, провожая взглядом последнюю овцу, покидающую пределы дороги.

– Трогай! – велела государыня.

Карета дёрнулась и умчалась, обдав Лопухина с Голицыным клубами дорожной пыли.

– Ты что наплёл, Лопух?

– Сам не знаю. Понесло! Не мог остановиться.

– А, если всё всплывёт?! Тут никаким штрафом не отделаешься!! Выгонят из Академии взашей!!

– Да брось, Митяй! Кажись, обошлось.

И разжал слипшуюся от пота ладошку:

– Ух, ты!! Рубль!! – он повертел перед приятелем серебряным кругляшом, – Целый рубль!! Видал!

– Здорово! – обрадовался тот, – Вот свезло-то!!

– Лучше не придумай!! Айда в кондитерскую! Накупим леденцов на всех, как обещали! То-то наши обрадуются!!

– Да..., – почесал в затылке Голицын, – Одно плохо. Шляпы-то нет. За шляпу Шашков выпороть прикажет. А может и под арест определить. Дня два – не меньше!

– Да, будет тебе горевать, Митяй!! Подумаешь, шляпа! Где наша не пропадала?!

дом графа Бурхарда Христофора Миниха

В то время, пока Лопухин с Голицыным на другом берегу ловили чиж, Микуров, получив от директора увесистый бумажный пакет, шёл по набережной Васильевского острова к дому генерал-фельдмаршала Миниха, что располагался в одном квартале от Академии. Впрочем, домом его нельзя было назвать – это был настоящий дворец высотой в два этажа! Инженерное произведение искусства. Высокие двери с позолоченной резьбой, два мускулистых каменных атланта, а также замысловатая двухъярусная крыша, в виде набегающих друг на друга волн, и лепнина на фронтоне – всё выглядело так величественно и гармонично, что хотелось долго рассматривать и каждую деталь, и весь дом в целом.

Василий Микуров уже не в первый раз бывал в доме Миниха. Дворецкий его впустил беспрекословно, сообщив:

– Хозяин в кабинете.

Василий снял шляпу и уверенно направился по мраморной лестнице на второй этаж. Дележи из Академии надлежало доставлять Миниху лично в руки.

– Ваше высокоблагородие! Пакет от господина Любераса! – громко доложил Василий, вытянувшись в струнку перед фельдмаршалом.

Миних, склонившийся над длинным чертежом, приподнял голову и дружески кивнул:

– А-а, Микуров. Добро пожаловать! Что там? Должно быть, счета за прошлый месяц? Положи вон туда на стол.

Василий аккуратно присоединил пакет к кипе прочих бумаг на столе и с благоговением окинул взглядом кабинет, обстановка которого его завораживала. На стенах висели карты, причудливо раскрашенные, изображающие водные глубины и почвенный состав земель. На низком табурете возвышался огромный оранжевый глобус на скошенной ножке. Всюду были какие-то чудесные, неведомые инструменты. Чертежи. Макеты.

– Ну? Какие новости в Академии? – вывел его из оцепенения Миних.

– Ожидается визит государыни на первый выпускной экзамен.

– Что ж, это большое событие! – согласился фельдмаршал, – Как думаешь? Не подкачаете перед императрицею? Не подведёте меня?

– Как можно, Христофор Антонович!! С сегодняшнего дня, по распоряжению господина Любераса, все, как один, начнём расчищать двор и мыть комнаты!

Миних громко рассмеялся, не прекращая чертить грифелем одну линию за другой:

– Это в духе Любераса! Внешнего лоску напустить – дело нехитрое! А каковы знания выпускников? Не оплошают?

Василий, не зная, что ответить, пожал плечами. Миних покачал головой:

– Чтоб угодить государыне, чистотой не отделаешься! Тут зрелище помасштабнее требуется. Люберас в таких делах ещё мало каши ел. Надо бы мне самому наведаться к вам!

– Приходите, Христофор Антонович. Мы Вам завсегда рады!

– И я рад бы! Да дел невпроворот!! – неожиданно посетовал тот, – Запросы у государыни-матушки растут день ото дня. Поручения сыплются, что горох из ведра! Верить ли, Василий, сплю по три часа в сутки. Пойди-ка сюда! Взгляни, – и он отступил на шаг, позволяя кадету рассмотреть чертёж, – Как мыслишь, что это?

Тот внимательно всмотрелся в детали и уверенно заявил:

– Башни. Эта – военная. Эта – складская.

– Верно! – обрадовался Миних, – Ну, а эта?

– Эта..., – Василий задумался, – Водяная, что ли? Или пожарная?

– Водонапорная. Вода в неё набирается с помощью гидравлического насоса. А затем из общего котла подаётся по трубам. Это называется система водопровода, – пояснил он и одобрительно кивнул, – А ты хорошо разбираешься в чертежах!

– Меня отец научил. Вообще, он на флоте служил. На «Портсмуте». В Эзельском сражении его сам царь отметил. А опосля он заведовал московской школой навигацких наук.

– Славное дело. А где он теперь?

– Помер в позапрошлом годе.

– Прости. Так почему ты решил, что башня пожарная?

– Так у Вас тут наверху огромная бочка нарисована. Вот я и подумал, если её наполнить водой, а в дно насыпать порох, то в случае пожара огонь подпалит порох; тот взорвёт бочку и вода потушит пламя.

Миних в изумлении приподнял брови:

– Так-так... Интересно. Где ты такое видел?

– Я сам придумал, – скромно признался Василий.

– Сам?!

– Да. Видел недавно, как на строительстве у работников сорвало у бочки дно, когда её поднимали на канатах. Вот и пришла в голову такая мысль.

– Начинить дно порохом? Слушай, а это гениально!! – всплеснул руками генерал-фельдмаршал, – Вот что, Василий-светлая голова! Садись-ка, за стол, бери грифель и зарисуй эту схему в виде чертежа. Это, я скажу тебе, открытие!!

Васька, польщённый похвалой, взялся за рисование.

– А я пока счёта перепроверю, – рассудил вслух Миних, вынимая из конверта, принесённого Микуровым, пачки бумажных листов. И уселся перед бюро, внимательно перечитывая каждую строку. Иногда брал мел и делал проверочные вычисления на грифельной доске:

– Люберасу доверяй, но проверяй! А будь моя воля, я бы шведу в России не доверял вовсе, – бормотал он между делом, – *Obwohl ich selbst deutscher* (хоть и сам я немец).

Услышав его бормотание, Василий не удержался:

– Христофор Антонович. *Entschuldigen Sie meine Frage, aber Woher Sie stammt?* (Простите, мой вопрос, но откуда Вы сами будете родом?)

– Из Ольденбурга, – ответил тот и похвалил кадета, – А у тебя хорошее произношение!

– Спасибо.

– Что, Микуров, как кадетам в Академии языки преподают?

– Скверно.

– Отчего?

– Учителя по-русски ни бельмеса. Одна зубрёжка. Мне, конечно, оно без надобности. Я на четырёх языках изъясняться могу. Отец обучал. Хочу вот ещё турецкий освоить.

Миних усмехнулся:

– Ишь, ты! Никак с турецким султаном воевать собрался?

– Ну, а вдруг?

– Мой тебе совет: начни с польского!! Нынче у нас там козырный интерес! Смекаешь, о чём говорю?

– Нет, – растерянно признался тот.

– Эх, ты, Микуров! Запомни! Хочешь построить успешную карьеру – вникай в политику. Кто владеет сведениями, тот владеет миром! Ну, что? Нарисовал?

Василий протянул учителю чертёж.

– Дельно изобразил. Молодец! – похвалил Миних, внося грифелем собственные поправки в его рисунок.

– Христофор Антонович, а это правда, что Вы один Ладожский канал построили?

Миних рассмеялся:

– Ну, это ты хватил, Микуров! Разве может человек в одиночку канал построить?!

– Но ведь все расчёты Вы сделали?

– Это верно. Сделал.

– А можно посмотреть? – прошептал Василий.

– Чертёж? – удивился тот, – Конечно, можно. ... Пстой-ка, где же он? Ага! Вот. Гляди, коли хочешь.

И Миних, вынув из тугого чёрного тубуса бумажный свиток, раскинул его на пол. И тот лёг почти через весь кабинет, точно полотняная дорога. Васька чуть не задохнулся переполнившим его восторгом:

– Ух, ты! Вот это мощь..., – пробормотал он, – Силища!!

Бурхард Кристофор Миних происходил из бедной ольденбургской семьи и всего достиг собственным умом, усердием и талантом. Он был приглашен на русскую службу как инженер-гидростроитель для постройки Ладожского канала, который русские строили-строили, да так и не построили. А Миних приехал – и построил. Копать, конечно, было кому и без Миниха. Но надо было копать с умом; глубины соблюсти, перепады высот. Построенный Ладожский канал был крупнейшим гидротехническим сооружением того времени в мире; подумать только, 117 километров, со шлюзами и мостами!

Не успел Миних одну идею осуществить, как перед ним уже другую задачу поставили. После того, как двор юного императора Петра II в Москву переехал, Петербург вроде как и не нужен стал. И оставили Миниха в городе главным – пушай дальше в болотах копаются, раз любитель такой.

Деятельный Миних всячески старался поддерживать опустевшую столицу. Он неутомимо давал обеды, балы, празднества в торжественные дни, делал смотры войскам, парады при спуске судов. И, помимо развлечений, неукоснительно внедрял в жизнь петровский план строительства Петербурга.

Анна Иоанновна, вступив на престол, решила вернуть столицу в Петербург. И Миних в кратчайшие сроки подготовил праздничное пышное торжество по случаю прибытия государыни и её двора, разыграв на Неве целое ледовое представление.

Императрица осталась довольна. Ей понравился трудолюбивый, умный и талантливый немец. И она предоставила простор его организаторскому гению. Едва внедрив в жизнь проект первого военно-образовательного учреждения Рыцарской Академии, Миних переключился на строительство и перестройку военных крепостей Петербурга, в первую очередь Кронштадта и Петропавловской. И делал это быстро и грамотно, следуя современным взглядам инженерной мысли.

Тут же императрица поручила ему провести реформу вооруженных сил в империи. И он вновь с рвением взялся за дело, умно и кропотливо заменяя петровскую «табель о рангах» новыми армейскими штатами. Под его руководством родились тяжелая конница и гусарские

части. Из-под его пера вышли военные приказы о преобразованиях, которые во многом определили дальнейшие победы русского оружия. Кажется, не было предела его талантам.

Анна Иоанновна высоко ценила Миниха, не забывая осыпать наградами. В кратчайший срок он сделал головокружительную карьеру. Сперва стал командующим всей артиллерией и инженерными войсками империи, затем президентом военной коллегии, а в прошлом году был удостоен нового звания генерал-фельдмаршал.

Распрощавшись с Минихом, Василий вышел на улицу и остановился, запрокинув голову, чтоб ещё раз полюбоваться диковинной лепниной на фронтоне здания. Отступая назад, он нечаянно натолкнулся на некоего господина, который тоже глазел на чудо инженерной мысли.

– Скажите, юный отрок, это и есть дворец Миниха? – неожиданно спросил он.

– Да. Верно, – ответил Василий, и добавил не без гордости, – Христофор Антонович сам спроектировал этот дворец и сам построил!

– Невероятно талантливая и разносторонняя личность этот Миних! – заметил молодой господин и покрутил пальцем жемчужную серьгу, поблёскивающую в правом ухе сквозь пряди парика.

Микуров отступил на несколько шагов и покосился на незнакомца. Господин, явно, был из знатных дворян, о чём говорил его наряд: дорогой парик, присыпанный перламутровой пудрой, багряный с отливом бархатный кафтан и парчовый вышитый золотом камзол, а так же башмаки из тонкой кожи с серебряными пряжками. От него за несколько шагов пахло духами. Мужчина держался галантно, был молод, красив лицом и обладал мягким бархатным тембром голоса. Но при всей своей внешней красоте, отчего-то, показался Василию неприятным.

Пока Микуров разглядывал незнакомца, на набережную въехала карета и остановилась прямо за спиной молодого господина.

– Что это Вы зазевались, друг мой? – спросил его из кареты строгий мужской голос на немецком языке, – Так ведь недолго и под лошадь угодить!

– Засмотрелся, Ваше Сиятельство, – тоже на чистом немецком наречии ответил тот, – Вы только взгляните, как роскошно живёт наш новоиспечённый фельдмаршал! Точно это он в Петербурге король!

– Тому, кто высоко взобрался, больше падать. Садитесь же! Не привлекайте внимания!

Красавец-дворянин распахнул дверцу кареты и ловко запрыгнул внутрь. Кучер незамедлительно хлестнул лошадей.

Микуров разбежался и вспрыгнул на запятки; отчего бы не прокатиться до Академии на чужой карете? Всё быстрее, чем пешком топтать! Присел и затаился.

Карета катилась. А голоса двух таинственных пассажиров были отчётливо слышны сквозь дощатую стенку.

– Пишут ли Вам братья? – спросил хозяин кареты, – Может, есть новости от Фридриха?

– Мой брат Фридрих немногословен. Последней новостью от него месяц назад было то, что в личном разговоре с примасом Потоцким ему удалось доподлинно выяснить, что тот принял сторону Лещинского. Ну, да Вашему Сиятельству это должно быть известно не хуже моего.

– Да уж, удивил нас примас! Никто не ждал такого подвоха от соотечественника.

– Очевидно, карманы его рясы хорошо оттянулись под тяжестью французских луидоров.

– Уверен, не без этого!! Флери не скупится на то, чего сильно желает.

– Я слышал, государыня Анна Иоанновна отправила ему грозную грамоту с требованием исключить Лещинского из списка кандидатов на польский престол.

– Да. Я собственноручно составил сей документ.

– И какова была реакция Потоцкого?

– Почувяв, что запахло жареным, он стал рьяно склонять шляхетство к присяге Лещинскому угрозами и деньгами!

– Ах, вот как?

– И развернул воинственные приготовления такого масштаба, что мне пришлось в ответ попросить Вашего брата Карла переместиться с военными укреплениями из Берлина в Варшаву, дабы охладить пыл не на шутку разгулявшегося временщика.

Услышав про Варшаву, Микуров напряг слух. Ведь только что Миних сказал ему, что в Польше нынче сосредоточен главный интерес, и настоятельно велел вникать в политику.

– Очевидно, это перемещение и встревожило примаса, раз он незамедлительно провёл сейм по предварительному избранию кандидатуры короля.

– Это мне уже известно.

– Тогда Вы, наверняка, знаете и о решении сейма?

– Знаю, друг мой.

– И каково оно?

– Сейм постановил избрать в короли природного поляка и католика, не имеющего ни своего войска, ни наследственной державы и женатого на католичке. И это более скверно, чем я предполагал, – Василий услышал, как невидимый господин нервно постукивает чем-то по днищу кареты (очевидно, тростью).

– Однако, это ещё не всё, – возразил собеседник, – Братец Карл написал мне, что, когда нужно было подписать статьи сейма, часть выборщиков отказалась это сделать.

– А вот это интересно!! – радостно встрепенулся тот, – Кто они?

– Князья Вишневецкие, Любомирские и Радзивилл.

– Что ж, неплохо! Теперь этим господам без могущественного покровительства не обойтись. Так что, бьюсь об заклад – в скором времени они дадут о себе знать. И поддержка шляхетства развяжет нам руки!

– Вы говорите о военном вмешательстве?

– Флери полагает, что любые идеи можно купить за золото. Придётся убедить старика в том, что любое золото становится послушно свисту пушечных ядер!! На всякий случай, наши полки уже сосредоточены у польских границ!

– Только наши? А как же «Союз трёх чёрных орлов»?

– «Чёрные орлы» в союзе рдеют. вспомните, чем закончились недавние переговоры Карла в Берлине.

– Да, ваше Сиятельство, Вы правы. Кайзер Прусский лишь на словах был горазд выдвигать кандидатуру младшего сына на польский престол. На деле же все попытки заставить его подкрепить договорённость на бумаге зашли в тупик.

– Вот видите! А другой «чёрный орёл» елозит от мысли, что потомство саксонского курфюрста имеет больше прав на австрийское наследство, нежели он сам! К тому же кардинал Флери нынче активно втягивает его в войну, отвлекая от польского вопроса.

– Вы допускаете, что и цесарь Австрийский может уклониться от военных действий в Польше?!

– Пусть только попробует! Не зря же мы отдаём за их Бевернского принца нашу маленькую принцессу – будущую матушку будущего императора! К тому же в отстранении Лещинского от польской короны австрийский император заинтересован не меньше нашего.

Карета подъехала к Рыцарской Академии и остановилась у заставы наплавного моста. Кучер бросил монету, расплачиваясь за проезд.

Василий спрыгнул с запяток. Потоптался на месте. Но вдруг неожиданно передумал идти к воротам Академии, а припустился бегом за каретой. Догнав её на середине моста, вновь схватился за подножку и пристроился на запятках, наострив уши.

Пассажиры, не подозревая о незримом участнике их разговора, продолжали беседу.

– ... так это нахождение Бюрена в гуще событий, – услышал Василий окончание фразы молодого собеседника.

– И Вас это тоже удивляет?

– Признаться, да. Отчего он вдруг покинул тёплое крыло государыни и трётся в Варшаве между иноземными посланниками? Ведь у него нет ни военного опыта, ни способностей к дипломатии!

– Зато есть отменный нюх!! Не обольщайтесь, глядя на то, как наш фаворит улыбается и перед всеми заискивает. Этот курляндец не так-то прост!

– Полагаете?

– Вот помяните моё слово! Он построит головокружительную карьеру! Передайте братьям, чтоб были с ним осторожнее. В этой заварушке Бюрен намерен отхватить себе добрый куш. По моим расчётам он метит на титул герцога Курляндского.

– Сын конюха?!

– Чему Вы удивляетесь? Это Россия, мой дорогой друг. Сын пироженика здесь стал Светлейшим князем, крестьянская девчонка – царицей. Отчего же сын конюха не может стать герцогом?! – он усмехнулся, – К слову сказать, я и сам был сыном бедного лютеранского пастыря. Не делайте такое лицо, будто Вы этого не знали.

Съехав с моста, кучер остановил карету возле церкви Исаакия. Микуров спрыгнул, отбежав на безопасное расстояние и спрятавшись за строительную насыпь. Увидел, как собеседники распрощались. Молодой красавец-дворянин вышел, и направился пешком прямо. А карета повернула вправо на набережную и почти сразу остановилась – у второго от угла каменного дома.

Василий издали наблюдал, как из дома выбежал слуга, почтительно открыл дверцу кареты, разложил ступеньки. Опираясь на его руку, из кареты вышел господин с тростью. Изда-лека он показался Василию совсем не старым: невысокого роста, слегка полноват, в скромном кафтане и шляпе из чёрного сукна.

– Микура!! – грянуло вдруг у него над самым ухом.

И в тот же миг на него обрушился Лопухин, гробастая друга в крепкие объятья. Рядом возник сияющий улыбкой Голицын, сжимая в руках два огромных бумажных куля, доверху набитых сахарными леденцами.

Василий опешил:

– Лопух... Митяй... Вы как тут оказались?! И откуда столько сладостей?!

– Слушай, Микура! Мы сейчас тебе ТАКОЕ расскажем!!!

– Погоди, – осадил друга Василий, – Лопух, видишь карету возле дома на набережной? Не знаешь, чей это дом?

Ванька пригляделся внимательнее:

– А-а... Этот. Знаю, конечно! Канцлера Остермана. Да, бог с ним, с канцлером! Слушай, с нами сейчас такое приключилось!!

И приятели в обнимку пошли назад через мост, в ярких подробностях описывая Василию историю про поимку чижа и встречу с государыней-императрицей и племянницей-принцессой.

– Вот вы гуси кучерявые!! Ну, даёте!

– А Митяй, представляешь, с одного взгляда обаял царицыну племянницу. Она так и сказала! Смотрите, говорит, тётенька, какой красивый мальчик! – глумился Лопухин, пересказывая всё Василию.

– Да, ну?!

– Ага! Он от счастья осоловел, и чижа ей отдал вместе со шляпой!!

– И сердцем в придачу! Да?

– Не болтайте глупостей! – возмутился Голицын.

– Да, ладно! Небось, уже мечтаешь, как на балу в Академии её на танец будешь приглашать?

– И не думал даже.

- А чего понурый такой?
- Шляпу жалко.
- Не дрейфь, свиристель! Шляпу новую купишь!!
- А, вообще, Митяй, ты прав, что замахиваешься на царицыну племянницу! – Василий уронил руку ему на плечо, – Пока бабы на троне, первыми людьми в государстве будут их фавориты!!
- Верно! – подхватил Лопухин, – Так что, дерзай, Митяй! Окучивай будущую матушку будущего наследника!
- Ох, наподдал бы я вам! – огрызнулся Голицын, – Да руки заняты!

дом Екатерины Иоанновны, герцогини Мекленбургской

Тем временем, императорская племянница Анна-Лиза, закончив прогулку, торопилась вверх по ступеням в свою комнату. Ей не терпелось скорее выпустить чижа в клетку и хорошенько его рассмотреть.

На втором этаже с материнной половины доносился залиvistый смех. Очевидно, в отсутствие дочери, к ней пожаловал с визитом лейтенант Михаил Белосельский. И они весело проводили время. Встречаться с матерью и её сожителем девочке вовсе не хотелось, и она тихонько на цыпочках постаралась прокрасться мимо.

Но не успела. Двери материнной комнаты неожиданно распахнулись, и оттуда вывалилась разбурманенная от хмеля Екатерина Иоанновна:

– Фимка!! – зычно крикнула она, – Что-то пучит меня с капусты. Неси ещё пунша! – и наткнулась взглядом на дочь, – О! Лизка вернулась... Что? Прокатилась с государыней? Чего это у тебя? Шляпа гвардейская?... Ты что, по казармам шлялась?! Миша, ты погляди! Лизка гвардейскую шляпу домой приволокла!!

И Екатерина Иоанновна зашла от смеха, хватаясь руками за живот.

– Меня теперь зовут Анна, – напомнила ей дочь, обиженно поджимая губы.

– Ах, да! Конечно. Как я могла забыть?! – наигранно всплеснула руками мать, – Анна Леопольдовна, Ваше Высочество. Простите, великодушно. Как Вас там... госпожа будущая мать будущего наследника!

И насмешливо расшаркалась в неловком поклоне:

– Слышишь, Миша! А я тогда кто? Мать будущей матери будущего наследника?! – тут же фыркнула и разразилась новым приступом смеха, хватаясь за бока, – А ты, Миша, возлюбленный матери будущей матери...

Анна не стала слушать продолжение её насмешки и спешно прошла в свою комнату, нарочито громко захлопнув дверь.

Там она осторожно выпустила чижа в большую круглую клетку. Птица забилась испуганно, заметалась, наскакивая на железные прутья.

– Ну, что ты, глупенькая, – ласково сказала ей принцесса, – Страшно тебе? Не бойся. Я тебя не обижу. Я буду тебя кормить. Буду с тобой разговаривать. А ты будешь для меня петь.

Она заботливо насыпала ей в кормушку семян и села рядом, подперев ладонью щеку, задумалась о чём-то своём.

Анна-Лиза родилась в семье Екатерины Иоанновны и Карла-Леопольда Мекленбургского, которых поженил царь Пётр Алексеевич желая, закрепить русскими войсками в Мекленбурге для охраны морского пути от вражеской Швеции.

Свадьбу сыграли в пограничном городе Данциге. И молодые уехали в Росток. Карл-Леопольд обладал незавидной репутацией. Ему на ту пору исполнилось тридцать восемь лет, и он

был дважды женат, но с обеими супругами развёлся. В Европе за ним ходила слава великого скупердя и скандалиста. Он страшно ревновал новую супругу, обращался с нею грубо и жестоко. Да и нрав Екатерины Иоанновны был далеко не покладистым. Русская царевна любила повеселиться и поохотать от души, что противоречило немецким понятиям о нравственности. На строгие запреты мужа она отвечала дерзким словом. Их семейные ссоры слышал весь замок. Придворные «за глаза» прозвали молодую хозяйку дикой герцогиней. Через два года Екатерина родила дочку, которую, по немецкому обычаю, назвали Елизавета-Катарина-Христина.

Но муж ждал мальчика-наследника и рождению дочери был совсем не рад. К тому же Екатерина Иоанновна после родов долго болела и не могла больше забеременеть. Супруг злился и даже высказывал подозрения, что это не его дочь.

Она скандалила с ним, плакала и бесконечно писала письма в Россию матушке и дядьке Петру Алексеевичу, умоляя разрешить ей вернуться домой и развестись с ненавистным мужем.

Наконец, разойдясь в политических соображениях с герцогом Мекленбургским, царь Пётр разорвал дружеские отношения и прекратил выплаты ему субсидий. Герцог стал открыто обвинять супругу, что вынужден содержать её с дочерью. Екатерина усмотрела в этом повод избавиться от мужа и, собрав трёхлетнюю Лизу, бежала в Россию. Официального развода с Мекленбургским герцогом так и не было, но с тех пор супруги больше никогда не виделись.

Здесь в России её с распростёртыми объятиями встретила мать и поселила вместе с внучкой у себя в Измайлово в Москве. Через год, похоронив матушку, Екатерина с дочерью остались жить в её поместье. Восемь лет провела Лиза в московской усадьбе, где жизнь текла совсем иначе, чем в столице.

Екатерина Иоанновна поправилась, забыла о том, как терпела лишения и побои от мужа, и вела теперь фривольную жизнь, снискав славу весёлой вдовы. Ела и спала вдоволь, смеялась, плясала, крутила романы с офицерами. И совершенно не заботилась о воспитании дочери, которая росла замкнутым и тихим ребёнком. Лиза рано выучилась читать, и всё время проводила с книжкой. Читала она одни французские романы – де Скюдери, Сорель, д Юрфе, Корнель, Расин – в которых прекрасные дамы влюблялись в благородных рыцарей. Истории эти были полны сентиментальностей, любовных мук и страданий от разлуки.

Девочка жила в придуманном ею мире, в ожидании прекрасного принца, за любовь к которому она была готова пострадать и, если потребуется, даже погибнуть. Но вокруг неё жизнь была совсем иная – простая, грубая, безвкусная, неинтересная для неё жизнь, в которой не было ни подруг, ни принцев.

Неизвестно, чем бы кончилась её жизнь в Измайлово. Должно быть, матушка выдала бы её замуж за какого-нибудь московского дворянина. И она прожила бы с ним весь свой век в окружении детишек и прислуги. Но судьба распорядилась иначе. Ей было одиннадцать лет, когда сестра матери Анна Иоанновна была провозглашена императрицей. А через два года они покинули Измайлово и вместе с императорским двором переехали в Петербург.

Там Анна Иоанновна поселила их в большом каменном доме рядом со своим. Дальше – больше. Поскольку у государыни не было рождённых в браке детей, она объявила племянницу фактически своей наследницей; её будущему ребёнку вся страна присягнула на верность, как императору Российскому. И тихая скромная девочка Лиза в одночасье сделалась самой завидной в мире невестой.

Матери Екатерине Иоанновне, погрязшей в утехах, было недосуг окрестить дочь в православие; та с рождения была в лютеранской вере. А тётка тут же вызвалась исправить это недоразумение и пожелала стать крёстной матерью племянницы. Вот только при крещении категорически отказалась давать девочке имя Елизавета. В её окружении уже была одна Елизавета – дочь царя Петра, которую Анна Иоанновна на дух не переносила и держала в строгости и бедности. Поэтому Лизе было решено дать имя её крёстной матери – Анна.

Не откладывая дела в долгий ящик, тут же встал вопрос о поисках супруга. Преданный друг императрицы старший брат Левенвольд поехал в Европу искать жениха для Анны-Лизы. И нашёл! Поговаривали, что генералу австрийский двор щедро заплатил, чтобы он остановил свой выбор на юном принце Антоне-Ульрихе Брауншвейг-Беверн-Люнебургском.

Его родная тётка была супруга нынешнего австрийского императора Карла VI. А сестра недавно вышла замуж за наследного принца Прусского. Так что, через такого жениха можно породниться сразу с двумя царствующими дворами Европы. А родственные связи в политике играли немаловажную роль. К тому же канцлер Остерман настойчиво уверял государыню, что, из-за сложившейся обстановки в Польше, России сейчас просто необходимо заручиться поддержкой Австрии и Пруссии. И эта свадьба будет как нельзя кстати!

Невесте в подарок вручили портретное изображение жениха. Принц Антон был точно списан с героев французских романов: красивый, благородный, с густыми белокурыми локонами, голубыми глазами и гордым римским носом. На портрете он был изображён в латах – настоящий рыцарь, идеал женской мечты. Портрет пришёлся Анне-Лизе по душе. Она поместила его на столик возле кровати, часто подолгу рассматривала, и разговаривала с ним.

Вот и сейчас Аня, прежде, чем прилечь отдохнуть, пристально вглядывалась в черты принца Антона, и в груди её разливалась сладкая истома. Скорее бы он приехал! Тётушка сказала, что он выехал из Беверна месяц назад. И прибытие его ожидается в Петербурге со дня на день.

Она уже столько раз в мечтах представляла, как он войдёт в зал торжественно и гордо. Приветственно снимет шляпу, из-под которой рассыплется грива белокурых локонов. И все придворные дамы замрут в восхищении. А он подойдёт к ней и, поцеловав руку, одним проникновенным глубоким взглядом покорит её сердце. Затем возьмёт за руку, посадит на коня и увезёт в далёкий и прекрасный замок. И она никогда больше не увидит опостылевших матушкиных любовников и не услышит её ядовитых насмешек!

Она взяла книгу, открыла её по закладке и погрузилась в чтение:

« — Вас кто-то обидел, милое дитя?»

Розали от неожиданности выронила букетик цветов. Ролан галантно поднял его:

– Отчего Вы носите азалы? Ведь это цветы печали.

– Я несчастна, – вздохнула она.

– *Позвольте мне разделить Ваше несчастье, – сказал он, вставляя цветок в петлицу своего жюстокора, – Ведь разделённое с кем-то несчастье – это уже половина несчастья».*

Анна-Лиза оторвалась от книги и мечтательно закрыла глаза. Прекрасный Ролан виделся ей в облике белокурого голубоглазого принца с гордым римским профилем.

Рыцарская Академия (бывший дворец Меншикова)

После занятий, по распоряжению директора, кадеты, вооружённые предметами для уборки, рассредоточились по всей территории Академии. Лопухину с Микуровым досталось натирать полы в зале, где проходят уроки танцев и экзерциции.

Поглощённый размышлениями о подслушанном разговоре на запятках кареты канцлера, Василий не выдержал:

– Слушай, Лопух. Ты что-нибудь знаешь про Остермана?

– Ты сегодня уже дважды спрашиваешь о нём. На что он тебе сдался?

– Видишь ли, я невольно подслушал один разговор... Одним словом, мне показалось, будто граф Остерман как-то уж больно неприязненно относится к Миниху.

– Тебе не показалось! – хохотнул Иван.

– Правда?! А почему?

– Да он ко всем так относится! – Лопухин поскользнулся и, схватившись за колонну, едва удержал равновесие, – Старик тщеславен до колик! И не терпит успешных соратников. А наш Миних, как известно, воспарил уж больно высоко.

Василий отбросил швабру:

– Слушай! А ведь он так и сказал: «Тому, кто высоко взобрался, больнее падать».

– Кто сказал?

– Остерман.

– Кому?

– Я его не знаю... Он говорил по-немецки. Внешне молод, богат и очень красив.

– Немец, внешне молод, богат и красив? В обществе Остермана это может быть только граф Левенвольд.

– Ты его знаешь?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.